

Рампа

Рос. газ. - 1993 - 27 марта - С. 1

◆ БЫЛОЕ

ВЕЛИКИЙ ПОДЦЕНЗУРНЫЙ АВТОР

...ЯНВАРЬ 1902 ГОДА. На сцене парижского театра «Ренессанс» впервые репетируется русская пьеса.

— Наполеон, говорю, Наполеон! Великий богатырь, маг и волшебник! — поет гимн своему удачливому покровителю-комбинатору маленький, но плотный человек Иван Антоныч.

Да, это Кречинский и Расплюев, герои одной из самых популярных русских пьес. готовятся в первый раз представить перед французской публикой. Еще полвека назад, сразу после триумфальной премьеры «Свадьба Кречинского» в Малом театре, Михаил Семенович Щепкин (он играл роль Муромского); приехав домой к драматургу, расцеловался с ним, «был в восхищении и советовал послать пьесу в Париж — предсказывал ей большую будущность».

Известие о репетициях комедии в Париже оказалось для автора полной неожиданностью. Сухова-Кобылин, которому уже шел восьмидесять пятый год, жил в Болье, близ Ниццы. Рядом вилла выдающегося историка и социолога Максима Максимовича Ковалевского. В 1901 году Ковалевский основал в Париже Русскую школу общественных наук, где преподавали известные ученые и политические деятели. Историк часто бывал у Сухова-Кобылина, отныне к нему дружески-заботливо, всегда охотно помогал и толковым советом, и делом. От Ковалевского драматург и узнал о репетициях.

Он захотел сразу же узнать, кто перевел пьесу, кто играет, как идут репетиции. По просьбе Ковалевского в Болье к Сухова-Кобылину приезжает слушатель Русской школы, редактор журнала «Вестник Всемирной истории» Сергей Сухонин. «При моем входе в кабинет с кресла у окна поднялся довольно высокий, бодрый для своих 80 лет, худощавый старик, очень симпатичной наружности, с большой бородой и едва пробивавшейся на ней сединой. Он усадил меня в кресло у окна и, после первых приветствий, стал расспрашивать о предполагаемой постановке его пьесы...

Я рассказал все, что знал. Сообщил, что перевод сделан В. Л. Винштоком, переводчи-

ком начавшего в то время выходить в Париже на французском языке полного собрания сочинений гр. Л. Н. Толстого, об исполнителях, среди которых назвал знаменитого Жемье, о первых считках пьесы.

— Не поймут французы ее, вот чего я боюсь, — говорил А. В. — Пьеса чисто русская, вероятно, не будет иметь успеха, у них теперь не то в моде... а сколько я перестрадал из-за нее!.. Писал я ее в тюрьме, куда меня засадили по делу об убийстве французки Деманш...

Еще с той памятной премьеры Кречинского в Малом театре Сухова-Кобылин привык энергично участвовать в подготовке спектаклей по своим пьесам в Москве и Петербурге (по сути был сорекиссером): добивался верного распределения ролей, иногда даже скандала из-за этого с театральным начальством. Требовал точного понимания смысла и духа пьес, был в ярости, когда подмечал малейшее искажение текста, актерскую отсебятину. Но в Париже престарелый писатель уже не мог поехать и послал туда свою дочь, графиню Луизу Александровну де Фальтан. Она чуть ли не ежедневно извещала отца о всех предпринятых событиях.

Луиза Александровна присутствует на репетициях. Передает отцу просьбу дирекции театра «Ренессанс» прислать биографию для рецензентов и рекламной брошюры. Так как биография нужна немедленно, а Сухова-Кобылин всегда писал очень основательно, неспешно, множеством черновиков, помочь ускорить дело взялся Ковалевский. «Задача на меня выпала нелегкая. Старик пустился в подробности, и одно время мы никак не могли покончить с Лейпцигским сражением, в котором был ранен его отец. Путем немалых усилий я извлек нужный для журналистов материал». Автобиография Сухова-Кобылина на француз-

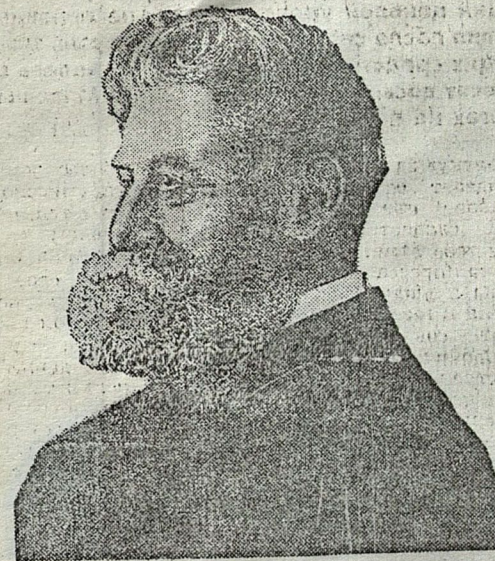
Русскому драматургу Александру Васильевичу Сухова-Кобылину никогда не ставили памятников, не открывали музеи и никогда не праздновали его юбилей. Вечный бунтарь был отлучен от профессорской истории русской литературы.

Сухова-Кобылин — великий индивидуалист XIX века. Он не только вне любых литературных партий, но и открыто провозглашал непризнание писательского ордена, отменял притязания чиновно-догматической критики судить-рядить о своих пьесах.

Главный герой трилогии «Картины прошедшего» («Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина») — сам автор, который впервые в мировой драматургии выходит на сцену как действующее лицо, как историк, философ, прокурор, судья. Воплощая дух свободы и разума, он повергает бытие философией, а философию — бытием; объединяет смешное и печальное, комическое и трагическое, реальное и философское в новую художественную систему, которую будет разгадывать XX век.

ском языке и его фотография были опубликованы в рекламной брошюре театра «Ренессанс» в 1902 году.

В автобиографии рассказывается и о триумфальном шествии по России «Свадьбы Кречинского»: «Пьеса сразу же обошла все столичные и провинциальные сцены. Трудно даже подсчитать, сколько спектаклей дано в России на сегодняшний день. Имена двух героев — Кречинского и Расплюева — стали нарицательными; множество выражений и фраз из «Свадьбы Кречинского» вошли в пословицы. А две последние пьесы-трилогии — «Дело» и «Смерть Тарелкина» — представляют замечательную кар-

тину жизни русского чиновничества накануне реформ императора Александра II; они «вплоть до последних лет были запрещены цензурой».

«Свадьбу Кречинского» парижане в первый раз увидели 18 февраля 1902 года. Вечером Сухова-Кобылин получает депешу от дочери и Жемье, директора театра и исполнителя роли Кречинского, «с известием о большом успехе пьесы», а 20 февраля — первые рецензии из французских газет и журналов. Очень доволен был драматург статьей о себе и своем творчестве в журнале «Эвем».

Но русские отклики на французский спектакль,

словно списанные с одной расплюевской шпаргалки (полное текстуальное совпадение не только отдельных фраз, но и многих абзацев!), были фельетонно-издевательскими. Писателя — его и в отечестве мало кто почитает большим писателем — невест с чего задумали славить в самом Париже! Злорадно высмеивается сама мысль о постановке на французской сцене комедии, понятной, мол, лишь в России.

Читая эти бойко-глумливые пассажи (в архиве писателя сохранились вырезки из французской и русской периодики), Сухова-Кобылин, вероятно, с горечью припомнил, как полвека назад никто из оте-

чественных критиков не признал его первую комедию художественным произведением, а многие вообще не узрели в ней ничего, кроме ловкого подражания занимательным французским пьесам. Небывалый же успех «Свадьбы Кречинского» на московской и петербургской сцене приписывали только блистательной игре актеров.

И на сей раз критика поспешила хором вострубить о бессмысленности парижской затеи. Но «Свадьба Кречинского» провалилась лишь в фельетонном воображении русских рецензентов. Спектакль прошел на сцене театра «Ренессанс» около сорока раз.

Но для престарелого писателя, всю жизнь воевавшего с цензурой и критикой («Каждая из Моих пьес есть Процесс, который я должен выиграть против Цензуры и Прессы всякими принудительными Подходами»), зубодробительный разнос парижской премьеры Кречинского, на которую он надеялся всю жизнь (сам дважды перевел пьесу на французский язык — подстрочно и применительно к условиям французской сцены), оказался, видимо, слишком тяжким ударом...

В последний день 1902 года секретарь драматурга Александр Михайлович Молегин делает последнюю запись в последнем дневнике Сухова-Кобылина: «Гуляя по комнате, сделали 10-ть концов; аппетит нормальный; не бреди-ли».

Умер Сухова-Кобылин в Болье 11 марта (по старому стилю) 1903 года. Похоронен на кладбище в Ницце, неподалеку от Александра Герцена. Через несколько месяцев после смерти творца Кречинского и Расплюева, Варравина и Тарелкина в Ниццу приехал драматург и актер Малого театра Александр Южин-Сумбатов. И — снова читаем М. Ковалевского — «возложил в моем присутствии, по поручению своих товарищей, серебряный венок на могилу автора «Свадьбы Кречинского», одной из наиболее иггранных в России пьес и до сих пор еще не сходящей со сцены».

Виктор СЕЛЕЗНЕВ,
Саратов.